

АНАТОМИЯ ВИНЫ

Ника Леинберг

18+

Ника Леинберг

АНАТОМИЯ ВИНЫ

<https://litres.ru/74096876>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архитектор Генри Лэнг возвращается в родовое поместье Лунный Камень спустя десять лет после пожара, унёсшего жизни его жены и дочери. Его цель — стереть дом с лица земли. Но особняк не хочет уходить молча: в камине он находит обгоревший детский рисунок с надписью «Папа, не запирай дверь», в подвале — схему проводки, лишавшую семью связи, под половицей — собственный дневник с вырванными страницами. Шаг за шагом Генри понимает: пожар не был случайностью, а дом — лишь зеркало его вины. Готическая драма о человеке, который хотел тишины и получил её навсегда. Теперь ему предстоит решить: похоронить правду под пеплом или сгореть вместе с ней, чтобы наконец освободиться.

Содержание

Глава 1. Тени на синих чертежах	4
Глава 2. Проводка памяти	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

АНАТОМИЯ ВИНЫ

Глава 1. Тени на синих чертежах

Дорога кончилась раньше, чем он был готов.

Сначала пропал асфальт — просто исчез под слоем слежавшейся листвы, словно его никогда и не было. Потом обочины сузились, кустарник подобрался вплотную к колёсам, и ветки заскребли по дверцам автомобиля сухими костяшками пальцев. Генри сбросил скорость до минимума и опустил стекло — не для того, чтобы вдохнуть, а чтобы услышать. Тишина здесь стояла такая, что звон в ушах казался чужим.

Он не был на этой дороге десять лет. Она не изменилась. Всё то же чувство, что едешь не вперёд, а вглубь — как игла, медленно входящая под кожу.

Навигатор давно потерял сигнал. Карта, сложенная на пассажирском сиденье, была бумажной и старой, ещё отцовской. Генри развернул её перед выездом и обвёл красным карандашом точку, к которой теперь пробирался ощупью. Лунный камень — название, звучавшее в детстве как приговор. Он помнил, как мать произносила его: не «дом», а имен-

но «Лунный камень», с той особенной интонацией, которую приберегают для болезней, о которых не говорят вслух.

За очередным поворотом лес расступился. Не постепенно — рывком, словно кто-то раздвинул кулисы. И в проёме между стволами Генри увидел его.

Особняк стоял на возвышении, и закатное солнце било прямо в западный фасад, заливая камень густым, почти неестественным оранжевым светом. На мгновение показалось, что дом горит — прямо сейчас, в эту минуту, молча и неподвижно, как рисованный пожар на детской картинке. Генри нажал на тормоз. Сердце ударило в грудь один раз, сильно, и затихло.

Он заставил себя дышать ровно. Оптика. Всего лишь оптика. Солнце, угол падения, цвет песчаника. Он сам был архитектором и знал, как свет умеет врать. Приняв реальность за реальность, он отпустил педаль и медленно покатиł вниз, к подъездной аллее.

Аллеи, собственно, не было. То, что когда-то называлось парадным въездом, превратилось в полосу утоптанной земли, по краям которой торчали пни некогда стриженных тисов. Кое-где сквозь гравий пробилась трава. Въездные ворота отсутствовали — только две каменные опоры, покрытые мхом,

и ржавые петли.

Генри остановил машину и вышел.

Воздух ударил в лицо запахом. Сырой мох, старая листва, что-то сладковатое — не то гниющие яблоки, не то давно остывший дым. Он сделал несколько шагов к дому и остановился, задрал голову.

Лунный камень был построен в стиле, который сам Генри в годы учёбы называл «неоготическим бредом». Отец, большой поклонник Вальтера Скотта, хотел замок. Мать хотела виллу в итальянском духе. Архитектор, нанятый в конце позапрошлого века, очевидно, попытался угодить обоим — и в результате создал здание, которое словно спорило само с собой. Островерхие башенки соседствовали с пологими террасами. Узкие бойницы глядели в сад, где когда-то цвели розы. Центральный фасад венчал эркер с витражом, изображавшим сцену охоты: гончие, олени, лес — всё в синих и алых стёклах. Половина стёкол была выбита.

Дом был мёртв. Это Генри понял сразу, ещё десять лет назад, когда стоял на пепелище восточного крыла и отвечал на вопросы полиции. Но сейчас, глядя на уцелевший фасад, он вдруг подумал, что мёртвое тоже умеет ждать. Ждать, пока кто-то вернётся и закончит начатое.

Он взял с пассажирского сиденья рулон чертежей и решительно зашагал к парадной двери.

Дверь поддавалась не сразу. Дерево разбухло от сырости, петли заржавели, и Генри пришлось налечь плечом — тем самым плечом, которое последние десять лет ныло к дождю. Наконец створка со стоном отошла внутрь, и в холл хлынул закатный свет. Генри переступил порог.

Внутри пахло иначе. Не так, как снаружи. Там был запах леса, мха, гниющих яблок. Здесь — запах запертого пространства. Пыль, сухое дерево, что-то минеральное, как в старых церквях. И под этим слоем — едва уловимый, почти выдохшийся шлейф гари. Он въелся в штукатурку, в половицы, в ткань обивки, которую моль ещё не успела доест. Генри знал, что этот запах не уйдёт, даже если содрать стены до кирпича.

Холл был огромен. Двухсветное пространство с лестницей, расходившейся на два крыла. Ступени из серого мрамора, когда-то устланные ковровой дорожкой, теперь были голыми и покрытыми слоем пыли, в которой Генри оставлял следы. Перила — кованое железо с мотивом дубовых листьев — уцелели. Люстра, тяжёлая, бронзовая, на сорок свечей, висела слишком низко: цепь, удерживавшая её, была сорва-

на с крепления, и люстра замерла метрах в двух над полом, покачиваясь от сквозняка.

Генри обошёл её и двинулся вглубь.

Он шёл медленно, не из осторожности, а потому, что каждая деталь заставляла останавливаться. Вот здесь, у подножия лестницы, стоял комод красного дерева, на который мать ставила свежие цветы по вторникам. Комод был пуст, цветов не было. Вот здесь, на стене у двери в гостиную, висело зеркало в бронзовой раме — он помнил, как смотрелся в него в день, когда получил диплом архитектора. Зеркала не было. Только тёмный прямоугольник на выцветших обоях и четыре дюбеля, торчащих из штукатурки, как костяшки из худой руки. Кто-то снял его. Кто? Когда? Может быть, мародёры, может быть, полиция. А может быть, отец перед смертью — он не помнил. Он вообще много не помнил из того, что случилось между пожаром и его отъездом.

Гостиная встретила его распахнутыми дверями. Створки были раздвинуты до упора, словно кто-то ждал гостей. Генри вошёл и остановился у камина.

Камин был чёрным. Не от копоти — от огня, который когда-то бушевал в этой комнате. Пламя не пощадило ни мраморный портал, ни деревянную облицовку, ни кресла, стояв-

шие полукругом. Всё, что могло гореть, сгорело. Всё, что не могло, — обуглилось. Потолок над камином просел, и сквозь трещины проглядывали балки перекрытия, похожие на рёбра дохлого зверя.

Генри присел на корточки перед каминной решёткой и провёл пальцем по золе. Палец остался чистым. Зола была холодной и мёртвой. Уже не пахла. Он вытер руку о штанину и вдруг заметил то, что лежало у самой решётки, наполовину скрытое осыпавшейся штукатуркой.

Кусок картона. Обгоревший по краям, но в центре уцелевший.

Он поднял его.

Детский рисунок. Акварель, восковые мелки. Дом — квадратный, с треугольной крышей. Дым из трубы идёт не вверх, а вбок, потому что ветер. В окнах жёлтый свет. У дверей стоит фигурка в синем — длинная, палочная, с кружком вместо головы. Рядом — фигурка поменьше, в розовом. И ещё одна, совсем крошечная. Собака? Может быть, собака. А в углу, корявым детским почерком, синим карандашом: «Папа, не запирай дверь».

Генри смотрел на рисунок.

Свет в окнах гостиной начал меркнуть. Закат умирал быстро, как всегда умирает в этих широтах, когда солнце не садится, а проваливается за горизонт, словно его кто-то дёргает за нитку. Тени в комнате сгустились. Рисунок в пальцах Генри стал серым.

Он смял его. Резко, одним движением, как сминают пачку из-под сигарет. Бумага хрустнула. Он разжал пальцы, и комок упал в золу. Постоял ещё минуту, глядя в камин. Потом повернулся и вышел.

В спальню на втором этаже он поднимался уже в полной темноте, подсвечивая себе телефоном. Ступени скрипели по-разному: одни высоко, другие низко, и Генри, сам того не желая, вспоминал, какая поёт тенором, а какая басом. Лестница была живым инструментом, и его шаги играли на нём похоронный марш.

На втором этаже пахло сильнее. Здесь гарь въелась глубже — восточное крыло было ближе. Генри свернул налево, в хозяйскую спальню, которую выбрал для ночлега. Выбор был прост: эта комната пострадала меньше других. Окна целы. Потолок не просел. Кровать — широкая, дубовая, с пологом на четырёх столбах — сохранилась, хотя матрас пришлось выбросить ещё в прошлый приезд.

Он бросил сумку на пол. Достал фонарь, работающий от батареи, зажёл его и поставил на тумбу. Свет ударил в стены и выхватил из темноты знакомые обои — тёмно-зелёные, с золотым тиснением, изображавшим папоротники. В детстве эти папоротники казались Генри змеями. Сейчас они казались просто старыми обоями, выцветшими и местами отошедшими от стен.

Он сел на край кровати и расстелил чертежи.

Планы сноса. Синие линии на белой бумаге. Он работал над ними две недели, выверяя каждую цифру. Последовательность подрыва несущих конструкций, направление обрушения, расчёт радиуса разлёта обломков. Дом — это всего лишь геометрия. Кирпич, дерево, стекло. Сложить их вместе — получится жилище. Разъять — груда мусора. Архитектор, который умеет строить, умеет и разрушать. Это одно и то же знание, только в обратном порядке.

Он вёл пальцем по линиям и тихо проговаривал про себя последовательность. Сначала — восточное крыло, вернее, то, что от него осталось. Затем — центральная секция с лестницей. Затем — западное. Потом — башня, его детская комната, его первая мансарда. Палец остановился.

В детстве он чертил здесь план идеального дома. Огромный лист ватмана, рейсшина, тушь. Дом, в котором всё будет правильно. Где никто не запирает двери, потому что дверей нет. Только арки.

Он отложил чертежи и лёг, не раздеваясь.

Фонарь на тумбе отбрасывал на потолок круг света, похожий на луну. Генри смотрел в него, пока веки не налились свинцом. Перед тем как провалиться в сон, он подумал, что рисунок в камине надо было не комкать, а сжечь. До конца. Чтобы и пепла не осталось. Потому что теперь этот комок бумаги будет лежать там и ждать, когда он снова спустится вниз.

Он уснул.

Сон начался бесшумно.

Ему снилась лестница. Та самая, из холла, только во сне она уходила не вверх, а вниз, бесконечно разматываясь под ногами. Генри спускался, пересчитывая ступени. Он знал, что ступеней тридцать четыре, но счёт сбивался на двадцати. Ступени становились круче, уже, ступеньки крошились под ногами. Воздух холодел. Внизу горел свет. Не электрический — живой, дрожащий. Так горит свеча в глубоком подвале.

Он спускался долго. Может быть, час. Может быть, год. Наконец нога ступила на ровный пол.

Комната. Небольшая, без окон. Стены обиты войлоком, как в музыкальных классах. Посередине стоит женщина в бледно-голубом платье. Её лица не видно — только силуэт, размытый дрожащим светом. Она поднимает руку и кладёт ладонь на дверь. Не стучит. Просто держит.

Генри хочет подойти, но пол между ними растягивается, как резина. Он делает шаг — она отодвигается на два. Он кричит — она не слышит. Он пытается прочитать её имя по губам, но её губы неподвижны.

И тогда он слышит звук. Не из сна — из яви.

Скрип. Один, короткий, на грани слышимости. Так скрипит рассохшаяся половица под чьей-то ногой.

Генри открыл глаза.

Фонарь на тумбе ещё горел. Круг света на потолке не изменился. В спальне никого не было. Он приподнялся на локте и прислушался. Дом молчал. Ветер за окном шевелил кроны деревьев. Где-то далеко ухнула сова.

Генри сел, спустил ноги на пол. В висках стучало. Он потёр лицо ладонями и вдруг замер.

В углу комнаты, у двери, стояла тень. Высокая и тонкая. Пламя свечи (свечи? во сне была свеча) колебалось, и тень колебалась вместе с ним. Она не двигалась. Просто стояла. Очертаниями — женская фигура. Плечи, шея, голова, чуть склонённая набок, словно в немом вопросе.

Генри моргнул.

Тень осталась на месте.

Он смотрел на неё. Она смотрела на него — хотя глаз у тени не было. Воздух в комнате стал холоднее. Или это ему показалось. Генри попытался заговорить, но горло перехватило. Он знал этот силуэт. Знал этот наклон головы. Так стояла Элинор, когда ждала его поздно вечером, обхватив себя руками за плечи.

— Тебя нет, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло и чуждо.

Тень не исчезла.

Генри встал. Медленно, как входят в ледяную воду. Сделал шаг к двери. Тень не двинулась. Ещё шаг. Ещё. Он протянул руку и коснулся стены, на которую падала тень. Штукатурка была холодной и шершавой. Ладонь легла прямо в центр тёмного пятна. Пальцы ощупали стену. Ничего. Краска. Папоротники.

Он отдернул руку и обернулся.

Фонарь на тумбе мигнул. Раз. Другой. На третий раз свет восстановился. Тень в углу исчезла. Её не было.

Генри стоял посреди комнаты и слушал, как колотится сердце. Прошла минута, может быть, две. Он заставил себя выдохнуть, подошёл к сумке, достал флягу с виски. Сделал глоток. Потом ещё один. Алкоголь обжёг горло и провалился в желудок тёплым комком.

Оптика. Всего лишь оптика. Свет фонаря, косой угол, истощение. Он архитектор и знает, как тени умеют врать.

Он лёг обратно в кровать и уже не гасил фонарь до самого рассвета.

Утро пришло серое и тихое. Дождь не шёл, но воздух был пропитан влагой настолько, что, казалось, её можно выжи-

мать из простыней. Генри проснулся с тяжёлой головой и первым делом посмотрел в угол. Там было пусто. Разумеется, пусто. Он усмехнулся сам себе и начал день.

На дневной свет дом выглядел иначе. Ночью он был склепом, мавзолеем, декорацией к дрянному роману. Днём это было просто старое здание с плохой проводкой и протекающей крышей. Генри достал блокнот и принялся за обход, отмечая повреждения. Он делал это методично, как и всё в жизни: комната за комнатой, этаж за этажом.

Западное крыло, где находилась детская, он оставил напоследок.

Он не хотел туда идти. Не то чтобы боялся — он не верил в страх. Скорее, это походило на нежелание прикасаться к ране, которая затянулась тонкой коркой. За десять лет он ни разу не думал о детской иначе как об абстрактной точке на плане. Комната номер семнадцать. Площадь — двадцать четыре квадратных метра. Два окна. Смежная дверь в ванную. Технические характеристики, и ничего больше.

Но ближе к полудню он понял, что больше тянуть нельзя. Он должен осмотреть всё. Должен зафиксировать состояние конструкций, прежде чем приступать к сносу. Это профессиональный долг, а долг Генри чтит. По крайней мере, так

он себе говорил.

Детская находилась в конце коридора на втором этаже, сразу за поворотом, где стена была обита деревянными панелями. Он помнил эти панели. В детстве они казались ему высоченными, до потолка. Сейчас он видел, что они доходят ему лишь до плеча. Дом рос вместе с тобой, а когда ты уезжал, сжимался обратно.

Дверь в детскую была закрыта. Не заперта — просто притворена. Он взялся за ручку — бронза, холодная, с выгравированным цветком лилии — и нажал. Дверь открылась бесшумно, и в нос ударил запах.

Лаванда и гарь.

Он замер на пороге. Лаванда — это саше, которые Элинор раскладывала по ящичкам с детской одеждой. Гарь — это пожар. Прошло десять лет, а запах остался, впитался в дерево, в ткань, в обои. Время не стёрло его, а только смешало с пылью, и теперь этот коктейль стоял в воздухе плотной завесой.

Комната была меньше, чем он помнил. У окна — кровать под балдахином, покрытая выцветшим одеялом. На одеяле — вышитые зайцы. У стены — кукольный домик, точная копия Лунного камня. Отец заказал его у местного мастера в

подарок на пятилетие. Генри помнил тот день. Помнил, как дочь хлопала в ладоши и кричала: «Папа, смотри, у меня теперь свой дом!» И как он ответил, не оборачиваясь: «Береги его».

Он отвернулся от кукольного домика и подошёл к столу.

Маленький письменный стол. Детский, из светлого дерева. На нём — разбросанные листы бумаги, карандаши, задохшая баночка с акварелью. И альбом. Тот самый. В толстой картонной обложке с нарисованным от руки цветком. Он открыл его.

Рисунки шли один за другим. Вот солнце с лучами-палочками. Вот кошка. Вот мама в синем платье. Вот папа — длинная фигура, достающая до верхнего края листа. На рисунках папа всегда был самым высоким. И всегда стоял либо у двери, либо у окна, либо в дверном проёме. Никогда — в центре. Генри переворачивал страницы, пока не дошёл до последней.

На последней странице был нарисован дом. Квадратный, с треугольной крышей. Из трубы идёт дым вбок. В окнах — жёлтый свет. У дверей — три фигурки. Синяя, розовая и крошечная. В углу — та самая надпись, которую он уже видел вчера в камине. «Папа, не запирай дверь».

Здесь она была написана не карандашом. Акварелью. Сидней, как его пиджак.

Генри закрыл альбом. Положил на стол. Ровно, параллельно краю столешницы. Вышел из детской. Закрыл дверь.

И только в коридоре заметил, что у него дрожат пальцы. Не от страха — от того, другого, чему он не находил названия. Он сжал руку в кулак и стоял так, пока дрожь не унялась.

Обедать он не стал. Спустился в гостиную, развернул чертежи на чудом уцелевшем столике у окна и углубился в расчёты. Цифры его успокаивали. Кирпич, балки, углы обрушения. Мир, в котором всё подчинялось законам физики. Мир, где не было теней в углах и рисунков с надписями.

Через час он поднял голову. В комнате снова сгущался сумрак. День умирал так же быстро, как вчера. Генри потёр глаза и посмотрел в окно. Напротив, через лужайку, темнел сарай садовника. Он решил, что завтра осмотрит и его. А пока — ужин, фляга, сон.

Но когда он вышел в холл, то увидел то, чего не заметил утром.

Солнце садилось. Свет падал сквозь витраж над входной дверью — тот самый, с охотничьей сценой. Синие и алые стёкла бросали на пол цветные пятна. Но не это заставило его остановиться.

На стене, у подножия лестницы, там, где раньше висело зеркало, свет рисовал тени.

Это была игра закатного солнца, проходящего сквозь пыльный воздух и преломляющегося в остатках витражных стёкол. Генри понимал это. Понимал рассудком, ясно и трезво. Но то, что он видел на стене, имело очертания, слишком точные для простой пыли.

Женский силуэт. И детский, пониже.

Они стояли рядом, неподвижные, сотканые из света и пыли. Такие, какими он видел их в последний раз. Элинор, держащая за руку дочь. Она что-то говорила. Дочь плакала. А он стоял в дверях мастерской и говорил: «Я занят. Дайте мне закончить. Я закончу, и тогда мы поговорим. Дайте мне час».

Тени на стене медленно таяли. Солнце ушло за горизонт. Последний алый луч скользнул по штукатурке и погас. Генри

остался в темноте.

Он не стал зажигать фонарь. Дошёл до лестницы на ощупь. Поднялся в спальню. Лёг. И долго лежал с открытыми глазами, слушая, как дом остывает, потрескивая старым деревом.

Где-то на грани сна и яви он снова услышал скрип. Но в этот раз не один. Целую последовательность. Словно кто-то медленно, очень медленно, поднимался по лестнице. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Ближе. Ещё ближе.

Генри не шевелился. Он слушал, как шаги достигают площадки второго этажа и останавливаются. Прямо за дверью. Тишина.

Потом — тихий, едва слышный вздох. Не его. Не ветра. Женский. Усталый. Так вздыхают, когда опускают руку, которой только что безнадёжно стучали в запертую дверь.

Он сел в кровати.

— Кто здесь? — спросил он в темноту.

Ответа не было. Дом молчал. Ветер за окном утих. И в этой тишине Генри вдруг понял, что ответ ему не нужен. Он

знал, кто там. Он знал это всегда.

Просто десять лет не позволял себе слышать.

Глава 2. Проводка памяти

Проснулся он от холода.

Не от того зябкого сквозняка, что гулял по дому, — от внутреннего холода, зародившегося где-то в груди и растёкшегося к конечностям, пока он спал. Одеяло сбилося в ноги. Фонарь на тумбе погас — батарея села под утро. Генри лежал в сером рассветном полумраке и смотрел в потолок, на котором ещё держалась тень от вчерашнего света.

Он помнил ночь. Помнил шаги на лестнице. Помнил вздох за дверью.

И помнил, что, проснувшись среди ночи в холодном поту, он не встал. Не открыл дверь. Не проверил. Просто лежал, слушая, как сердце колотится о рёбра, и убеждал себя, что это был сон. Дом. Ветер. Старые трубы. Что угодно, кроме того, о чём он запретил себе думать.

Теперь, при свете дня, ночные страхи казались стыдными, почти неприличными. Он, взрослый человек, архитектор с пятнадцатилетним стажем, автор трёх реализованных проектов, лежал в кровати и дрожал, потому что разошшаяся

половица скрипнула не вовремя. Стыд был отрезвляющим. Генри рывком сел, спустил ноги, плеснул в лицо водой из бутылки. Холодная вода вернула его телу вес и плотность. Он снова стал собой.

Завтрак он пропустил — есть не хотелось. Вместо этого взял блокнот, карандаш и фонарь со свежими батареями и начал день так, как привык начинать любую работу: с осмотра инженерных систем. Прежде чем ломать, нужно понять, что держит.

Дом молчал. Утренний свет, серый и рассеянный, сочился сквозь невымытые окна, ложился на полы бледными квадратами. Пыль танцевала в этих лучах медленно и торжественно, как в церкви. Генри прошёл через холл, мимо лестницы, мимо пустого прямоугольника на стене, где прежде висело зеркало, и свернул в узкий коридор, ведущий к подсобным помещениям.

Здесь дом терял свою неоготическую спесь и становился тем, чем был на самом деле: старым зданием с плохой вентиляцией, гниющими перекрытиями и проводкой, которую не меняли с довоенных времён. Стены были голыми, без обоев. Кое-где штукатурка осыпалась, обнажая дранку. Под ногами хрустела известковая крошка.

Дверь в подвал находилась в конце коридора, рядом с бывшей кладовой для угля. Генри помнил эту дверь с детства: тяжёлую, обитую железом, с массивной щеколдой. Ему запрещали спускаться туда одному. Он и не спускался — подвал пах сыростью и крысами, и этого было достаточно, чтобы детское любопытство гасло на первом пороге.

Теперь он взялся за щеколду и потянул. Железо заскрежетало, но поддалось. За дверью открылась каменная лестница, круто уходящая вниз, в темноту. Генри зажёл фонарь и начал спускаться.

Воздух в подвале был холодным и спёртым. Пахло мокрым камнем, плесенью и чем-то кисловатым — не то старым вином, не то уксусом. Луч фонаря выхватывал из темноты сводчатые потолки, сложенные из грубого камня, и ряды пустых стеллажей. Когда-то здесь хранили домашние заготовки, вино, яблоки из сада. Теперь — только пыль и запустение.

Генри двигался медленно, сверяясь с планом, который держал в голове. Подвал повторял контуры первого этажа: центральный коридор, ответвления к восточному и западному крыльям, несколько подсобных каморок. В детстве он представлял себе подземные ходы, ведущие далеко за пределы поместья. Теперь он знал, что это всего лишь фундамент,

глубокий и добротный, рассчитанный на века.

Электрический щит он нашёл у дальней стены, рядом с угольным бункером.

Щит был старым, образца двадцатых годов: массивная чугунная коробка с предохранителями на керамических колодках. Провода расходились от него пучками, уходя вверх, в теле стен, к распределительным коробкам на этажах. Генри поднял фонарь выше и принялся изучать схему.

В первый момент он просто смотрел, не понимая. Затем нахмурился. Что-то было не так. Он достал блокнот и начал зарисовывать расположение жил, отслеживая их путь по этикеткам, ещё сохранившимся на керамике. Кухня. Холл. Гостиная. Столовая. Хозяйская спальня. Детская. Мастерская.

Мастерская.

Он остановился.

Провод, маркированный «Мастерская», не был частью общей сети. Он был выведен отдельно, на собственную колодку, с собственным предохранителем. Это было нормально для помещения с повышенной нагрузкой — но дальше началась странность. От мастерской провод не уходил в общий

стояк. Он был замкнут сам на себя. Кольцо.

И второе кольцо, наложенное поверх первого: телефонная линия. Сигнализация.

Генри вглядывался в схему, и по спине у него побежал холодок, не имевший отношения к подвальной сырости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.